

IRON **AMBITION**

MY LIFE WITH CUS D'AMATO

BY MIKE TYSON WITH LARRY "RATSO" SLOMAN

МАЙК ТАЙСОН
ЛАРРИ СЛОМАН

ЖЕЛЕЗНЫЕ АМБИЦИИ
МОИ ПОБЕДЫ С КАСОМ Д'АМАТО

МОСКВА
2022

УДК 796.83:929(73)
ББК 75.713
Т14

Mike Tyson, Larry Sloman
IRON AMBITION: MY LIFE WITH CUS D'AMATO

Copyright © 2017 by Mike Tyson and Larry Sloman

First published in Great Britain in 2017 by Sphere,
an imprint of Little, Brown Book Group.

Тайсон, Майк.
Т14 Железные амбиции. Мои победы с Касом Д'Амато / Майк Тайсон, Ларри Сломан ; [перевод с английского А. Б. Мовчана]. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с. — (Автобиография-бестселлер).

ISBN 978-5-04-119754-4

Один из самых знаменитых боксеров планеты, Майк Тайсон, делится личными воспоминаниями о себе и Касе Д'Амато — человеке, который оказал колоссальное влияние на его становление. Это посвящение учителю, благодаря которому паренек из гетто превратился в Железного Майка, абсолютного чемпиона в супертяжелом весе. Кас Д'Амато, легендарный тренер, воспитавший несколько поколений боксеров, не только стал наставником будущей звезды мирового спорта, он заменил Тайсону отца. Повествование о непростых и зачастую драматичных отношениях мудрого мастера и начинающего боксера, разворачивается на фоне рассказа о жизни самого Д'Амато и его самоотверженной борьбы с мафиозными структурами, захватившими власть в мире бокса в 1950–1960-х годах. Сиквел международного бестселлера Майка Тайсона «Беспощадная истина» и увлекательное мотивирующее пособие по саморазвитию.

УДК 796.83:929(73)
ББК 75.713

ISBN 978-5-04-119754-4

© Мовчан А.Б., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Отель Ritz-Carlton в нью-йоркском Бэттери-Парк-Сити. Я смотрю из окна своего номера. В соседней комнате моя жена Кики приглядывает за детьми. Милан занимается проектом по прикладному искусству, а Рокко, как обычно, просто бесится. Я приехал сюда из Лас-Вегаса, чтобы торжественно предстать перед зрителями спортивного комплекса Barclay Center. Деонтей Уайлдер будет защищать свой титул по версии Всемирного боксерского совета в супертяжелом весе. Он встретится в поединке с Артуром Шпилькой. Какой еще Уайлдер? Какой, к чертям собачьим, Шпилька? Раньше говорили, что супертяжелый вес — главное в боксе. Похоже, те дни давно прошли.

Смотрю на Уолл-стрит и вспоминаю детство, прошедшее в бруклинском районе Браунсвилл. Каждый раз, когда рассказываю жене о тех временах, она заявляет, что мне всего лишь хочется потешить самолюбие. Говорю ей: «Детка, я просто не могу поверить, что в моей жизни было это дерьмо». И показываю на улицы, где девятилетним пацаном припирал прохожих к стенам и срывал с них цепочки.

Если постараться, отсюда можно увидеть дома 42-й улицы. Это была наша вотчина. Я тусовался там в залах игровых автоматов или пробирался в клуб Bond International, чтобы обчистить карманы любителей музыки. Каждый вечер на 42-й можно было как следует оттянуться. Сегодня на Таймс-сквер все иначе. Теперь там диснеевские персонажи, которые предлагают туристам сфотографироваться, и неизменный Голый ковбой¹, бренчащий на гитаре для зевак. Все увлеченно де-

---

¹ Голый ковбой — характерный уличный исполнитель на Таймс-сквер (настоящее имя Роберт Джон Берк). Фирменный образ артиста — ковбойская шляпа, сапоги и нижнее белье. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

лают селфи с кем попало. Воображаю, если бы кто-то попытался предложить подобное парням, с которыми я тусовался на Таймс-сквер: «Эй, мужик, давай целкнемся на память!» — «Это с тобой, что ли, гребаный ниггер?» В 1970-е любая попытка заснять незнакомца была непростительной ошибкой! Ты не мог позволить себе даже панибратски — «Эй, привет!» — поздороваться с тем, кого не знал. Тебя бы отметилили, не отходя от кассы, и оставили подыхать на улице, пребывая в уверенности, что ты — гомик и минуту назад пытался закадрить нормального парня.

В те годы моя жизнь походила на бег по замкнутому кругу. Я воровал, покупал разные вещички, а затем ребята постарше грабили меня — отбирали у меня обувь, одежду, украшения. Как было одолеть этих уродов? Везде царили насилие и страх. Однако мне удалось выжить несмотря ни на что. «Эй, чувак, это же Майк», — говорил один из моих крутых корешей, и вымогатели отпускали меня. А коли мне всякий раз удавалось выкарабкаться, я стал считать, что у меня особая судьба. Я знал, что не сдохну в сточной канаве и произойдет нечто особенное, благодаря чему люди начнут уважать меня. Я был закомплексованным оборванцем — и жаждал славы, хотел стать знаменитостью, мечтал, чтобы весь мир восхищался мной. Да, об этом помышлял такой жирный вонючий сопляк, как я.

Забавно, но в то время в профессиональном бейсбольном клубе St. Louis Cardinals на позиции инфилдера¹ играл мой полный тезка, Майк Тайсон. Этот белый малый был вполне сносным игроком, хотя и не хватал звезд с неба. Еще и поэтому, веря в собственную исключительность, я не сомневался, что обязательно добьюсь успеха.

А затем жизнь свела меня с другим белым парнем, немолодым итальянцем, который тоже считал меня особенным. Его звали Кас Д'Амато, и он укрепил меня в мысли об уготованной мне известности.

Если бы не он, не сидеть мне сейчас и не смотреть из окна этого шикарного отеля. Пришлось бы влачить существование в какой-нибудь захудалой квартирке в Браунсвилле или давиться куриными крылышками в забегаловке на окраине города, а

---

¹ И н ф и л д е р — в бейсболе игрок защиты, занимающий позицию во внутреннем игровом поле.

не заказывать в номер курицу «кордон-блю»¹. Не исключено, что я бы уже просто сдох.

В детстве мне было страшно возвращаться на 42-ю улицу. Какой-нибудь ублюдок мог узнать меня и попытаться поймать, чтобы избить до полусмерти из-за фотоаппарата, украденного из его магазина электроники. Теперь я не могу показаться на 42-й потому, что кто-нибудь, признав меня, может залюбить до полусмерти. Это ли не безумие? На полном серьезе, порой хочется отделать излишне любвеобильных. Стоит очутиться на своей улице, как возникает столько желающих дать мне пять, что я вынужден спасаться бегством и укрываться в машине.

И так происходит не только в местах боевой славы. Практически нигде мне не удастся спокойно прогуляться. Ну не абсурд ли это? Прилетаю в Дубай, и мы с женой не можем пройти по ювелирным магазинам. Выхожу из отеля — и на меня набрасывается целая толпа.

А виноват во всем Кас. Нет, я вовсе не хнычу. Напротив, я крайне признателен ему за то, что моя жизнь сложилась именно так. И все же ума не приложу, как это случилось. Этому менеджеру и тренеру по боксу, жившему уединенно в северной части штата Нью-Йорк, хватило десяти минут, чтобы, наблюдая за мной тринадцатилетним во время спарринг-боя, предсказать, что я стану самым молодым чемпионом в супертяжелом весе. Как он смог понять это? И почему его выбор пал на меня?

Эта книга о наших с ним отношениях. Кас Д'Амато был одной из самых уникальных личностей на планете. Он причастен к судьбам огромного количества людей, которые с его помощью стали лучшей версией себя. Этот человек делал слабаков сильными. Он взял толстого, испуганного тринадцатилетнего подростка и превратил его в парня, которому известность не дает спокойно выйти на улицу.

---

¹ «Кордон-блю» — панированный в сухарях шницель, фаршированный сыром и ветчиной.

Глава 1

Мою жизнь спасли голуби. В детстве я был таким толстым Пойндекстером¹, у которого отбирали мелочь, выбивали из рук сэндвич, разбивали очки и запихивали их в бензобак грузовика, припаркованного возле школы. Идевательства продолжались изо дня в день, но однажды меня затащили на крышу соседнего дома и велели прибрать в голубятне. Своих птиц там держали крутые парни. Сначала я не мог понять, что за смысл в этих птахах, которые выглядели такими маленькими, такими невзрачными. С чего бы серьезным ребятам интересоваться ими? Но по улыбкам на их лицах можно было понять — на свете нет ничего важнее.

Я стал чистить голубятни каждый день, и это помогло мне избавиться от обидчиков. Увидев меня в крутой компании, они поняли, что со мной лучше не связываться. Не стоило иметь дело с парнями, которые держали голубятни. Они славились тем, что запросто могли столкнуть с крыши любого, кто трогал их птиц.

Будучи шестеркой у этих любителей пернатых, я окунулся в мир мелких преступлений. Мне не довелось тусоваться со сверстниками. Моими учителями стали старшие друзья, такие как Баг и Барким. Задумав ограбить какой-нибудь дом, они пользовались моим преимуществом — маленьким ростом. Мне помогали залезть в окно, чтобы я мог изнутри отпереть дверь. Порой мы подбирали ключи к гостиничным номерам в соседнем квартале, где временно проживали погорельцы, и просто обчищали их. Однажды мы были на деле вместе с Багом, и он пошутил, что ему светит исправительная тюрьма, а мне всего лишь колония для малолеток, где я буду наслаждаться пече-

---

¹ П о й н д е к с т е р — персонаж американского мультсериала «Кот Феликс», неуклюжий очкарик, верный помощник главного героя.

нем с молоком. словно прилежный студент, я перенимал все эти уличные манеры от бывалых парней.

Мне хотелось быть крутым. Все в Браунсвилле боготворили Аль Капоне. Он был из нашего района, и мы без труда представляли себе, что нас ожидает в будущем. С возрастом я немного окреп, но продолжал воспринимать себя четырехглазым малявкой, над которым постоянно глумятся. Я никогда не думал, что увлекусь боксом, но какое-то время мы общались с парнем по имени Уайз, боксером-любителем. Покурив травку и словив кайф, мы устраивали бои с тенью. Уайз при этом всегда отрабатывал скольжение Али¹. Мой первый боксерский поединок произошел случайно. К тому времени я истратил часть украденных денег, чтобы купить собственных голубей, которых держал в заброшенном здании недалеко от собственного дома. Парень по имени Гэри Флауэрс стащил одного из голубей, а когда я потребовал вернуть украденное, он достал птицу из-под полы пальто, свернул ей шею и швырнул окровавленный трупик в меня. Я был в ярости, но не решился броситься в драку, пока один из моих приятелей не заявил: «Майк, ты должен побить его!» Тогда я нанес удар правой — и противник упал. Я был ошеломлен и не знал, что делать дальше. Затем до меня дошло, как круто выглядел Уайз, делая скольжение Али, поэтому я стал повторять это движение, и все принялись аплодировать. Так я впервые познал вкус славы.

В моем районе часто дрались. Если ты был хорошим бойцом, тебя уважали и никто не пытался тебя ограбить. Поэтому я начал зарабатывать репутацию в уличных поединках. Особенно у меня получались запрещенные удары. Если во время боя кто-то оступался и падал, я добивал его уже на земле. Выигрывать удавалось не всегда. Зачастую мне серьезно доставалось, так как приходилось биться с теми, кто был гораздо старше. Мне стукнуло одиннадцать или двенадцать, а стычки порой происходили с парнями за тридцать. Когда я выигрывал у них в кости, они не желали отдавать деньги такой мелюзге, как я. А если с тобой не рассчитались один раз, то после этого перестанут платить вообще. Поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме как лезть в драку. Эти ребята могли быть во-

---

¹ Скольжение Али — прием в боксе, который заключается в быстрой работе ног не сходя с места, что позволяет сбить с толку, отвлечь или деморализовать противника.

оружены, но меня подобные мелочи не волновали. Они знали, что я не слюняй, и им приходилось либо сражаться, либо доставать пушку и палить в меня.

В юности я думал, что никогда не расстанусь со своими друзьями. Поначалу нам удавалось избегать тюрьмы. Но время шло, и ребята начали пропадать. Я не знал никого, кто женился, бросил заниматься грабежами и начал праведную жизнь. Казалось, наши темные делишки так и будут вершиться, пока кто-нибудь не прикончит нас — или пока мы сами не докажемся до убийства. Иногда, отправившись на дело, кто-то из парней погибал в результате поножовщины или стрельбы. Думаете, все мчались сообщить его матери о случившемся? Нет, мы не останавливались, пока не находили, чем бы еще пожить, и возвращались домой, только оттянувшись по полной. Наша компания походила на стаю гребаных акул, и наша жизнь заключалась в постоянном преступном движении.

Матери все больше надоедала моя жизнь малолетнего преступника, поскольку я все чаще попадал в Споффорд. Официально это место называлось Исправительный центр для несовершеннолетних «Бриджес». Кишащая крысами чертова дыра на Споффорд-авеню в Хантс-Пойнт — районе Бронкса. Угодив туда, ты будто попадаешь на встречу выпускников или в бар Cheers¹, где все тебя отлично знают. И хотя там не было кондиционера, по крайней мере тебе полагались трехразовое питание и койка. А еще печенье с молоком.

Однажды, когда я в очередной раз оказался в Споффорде — мне едва исполнилось двенадцать, — нам показали фильм 1977 года «Величайший», где Мухаммед Али играл самого себя. В то время мне нравился стиль Али, но я не относил себя к числу фанатов бокса. Гораздо интересней было наблюдать за рестлерами² — Бруно Саммартино или Киллером Ковальски. Единственный раз мне довелось увидеть бой Али, когда он дрался с Леоном Спинксом³ в матче-реванше. Мы с приятелем

---

¹ Бар Cheers — место встречи персонажей популярного в 1982–1993 годах американского сериала с одноименным названием.

² Рестлер — участник театрализованного спортивного шоу (рестлинга), сочетающего борьбу и работу на публику.

³ Леон Спинкс (1953–2021) — американский боксер-профессионал, который в 1978 году стал абсолютным чемпионом, победив Мухаммеда Али. В сентябре того же года состоялся бой-реванш, и Али вернул себе титул. — *Прим. ред.*

болтались в Браунсвилле, когда увидели парня, заходившего в угловой магазин. Нам шепнули, что у мужика видели продовольственные талоны и деньги, поэтому мы последовали за ним. Какое-то время я ошивался позади жертвы, а затем взял чипсы и встал впереди. Все взгляды были прикованы к телевизору — транслировали тот самый бой Али. Улучив момент, я уронил пакет и наклонился, чтобы поднять его. Парень был вынужден притормозить, и мой друг, который шел следом, быстро обшарил его карманы. Сделано! Выпрямившись, я мог понаблюдать, как классно Али дрался со Спинксом. Мне нравился Али, но сам по себе боксерский поединок меня совершенно не интересовал.

Однако смотреть байопик в кинозале Споффорда, заполненном сотнями подростков, было здорово. А когда зажегся свет, внезапно на сцене появился сам Али. Зал буквально взорвался аплодисментами. Мне доводилось быть свидетелем того, как рукоплещут тысячи зрителей на спортивных аренах, но это ничто по сравнению с овациями в честь Али. Вау! Он рассказал, как ему пришлось побывать в тюрьме, где он едва не сошел с ума. Его замечательное выступление воодушевило всех нас. Что же касается меня, то оно изменило мою жизнь. Речь не о том, что после этого я решил стать боксером. Просто я понял, что должен прославиться. Мне зверски захотелось, чтобы при моем появлении все кланялись и начинали сходить с ума. Но я еще не знал, через что мне придется пройти, чтобы добиться всей этой чертовщины.

Вскоре я вновь попал в Споффорд — на этот раз за кражу со взломом. Мне дали 18 месяцев, и я отсидел там почти полгода. Споффорд — это центр временного содержания, поэтому меня собирались перевести в колонию для несовершеннолетних. Надо было поторопиться, чтобы добыть немного денег перед отъездом. Единственный способ — рискнуть и грабануть кого-нибудь, чтобы продать товар, добравшись до места назначения. Если появиться без гроша, подумают, что ты слабак. Так что выход один: стащить у кого-нибудь кеды или исподнее и затем толкнуть товар.

Я решил объединиться с парнем по прозвищу Убийца, который в то время сидел там же. Ребята из Браунсвилла всегда держались вместе. Даже если кто-то был из другого района, вы держались вместе, если ты знал его по улице. Мне шепнули, что в соседней общаге сидит ниггер из Бронкса, у которого

го есть золото. Оно-то мне и было нужно. Я умел обчищать карманы. Все знали Майка Грабителя из Браунсвилла. Решив заполучить золотую цепочку этого братка, мы дождались момента, когда оказались рядом в спортзале. Большинство из этих ребят никогда не снимали золото. Убийца, заметив нашего ниггера, указал мне на него: «Майк, действуй!» Однако парень оказался крут, и когда я приблизился, он ударил меня прямо в лицо. Бац! Такого я не ожидал, и тогда мой напарник просто прыгнул на него — бац, бац, бац! Мы смогли надрать задницу этому малому и забрали все, что хотели.

В Споффорде у меня постоянно были неприятности. Незадолго до перевода наша общага дралась с соседней, и меня заловили с ножом. Отвечавший за нас старший надзиратель, ознакомившись с отчетом предыдущей смены, велел мне встать и приготовиться к наказанию. За то, что я был застукан с оружием, мне полагалось десять ударов по голове обломком кия.

— Стой здесь, опусти голову и прими это как мужчину!

Бац! Бац! Бац!.. Эти охранники были просто звери. Они отдубасили меня как собаку.

Через несколько дней после взбучки заявился мой наставник и сказал, что на последний год отсидки меня отправляют в другое место. Куда именно тебя переводят, не говорят, и ты не можешь сообщить корешам о своем новом местонахождении. На следующее утро двое охранников надели на меня наручники, посадили на заднее сиденье машины и отвезли на север штата Нью-Йорк, в Джонстаун. Я попал в исправительную школу Трайона, о которой никогда раньше не слышал. Мне пришлось в голову, что, раз я здесь никого не знаю, придется кого-нибудь пырнуть. Без этого было не обойтись.

Между Трайоном и Споффордом было несколько световых лет. Новое заведение располагалось в лесу, в часе езды к северо-западу от Олбани. Воспитаники жили в отдельных коттеджах. Школа была оборудована крытым бассейном и вполне приличным тренажерным залом. Кроме того, предлагались разные исправительные программы для малолетних преступников, в том числе занятия по разведению фазанов. Поскольку я не считался правонарушителем, склонным к насилию, вначале меня разместили в коттедже Брайарвуда. Это был коттедж открытого типа, где у меня была своя комната без замка на двери. В Брайарвуд определяли примерных детишек — тех, кто попался на незначительных проступках. Где-то три четверти

населения в Трайоне составляли чернокожие, остальные были латиносами и белыми из числа бедняков.

Брайарвуд был явно не для меня. Я немедленно начал действовать: нападать на других подростков, на охранников, на всех, кто попадался под руку. Там было несколько парней, которые знали меня по Бруклину и Споффорду, так что моя репутация стала расти. «Майк Тайсон — это настоящий крэйзи, большой ублюдок, псих, который запросто может подойти и ударить тебя по лицу или же плеснуть в тебя кипятком». Последней каплей стала история, когда в коридоре перед уроком какой-то пацан попытался сорвать с меня шапочку, но я увернулся. Мне пришлось ждать сорок пять минут до окончания занятия. Все это время я думал лишь о том, что бы такое сделать с этим придурком. Я был настолько зол, что не мог ни на чем сосредоточиться. Когда урок закончился, я нашел обидчика и надрал ему задницу.

Моя свобода на этом закончилась. Пришли два охранника и препроводили меня в Элмвуд: коттедж закрытого типа. Это место было предназначено для прочистки мозгов. Тех, кто не поддавался перевоспитанию, надзиратели-амбалы могли отыметь по полной. Сюда отправляли закоренелых хулиганов. Для меня же попасть в Элмвуд было делом чести.

Как только мы добрались до Элмвуда, меня раздели и заперли в комнате, где не было даже матраса. За мной следили, словно я собирался совершить самоубийство. Каждые полчаса кто-нибудь из персонала навевывался с проверкой. Я сидел взаперти, но в двери было крошечное окошко, и как-то до меня донесся разговор обитателей спецшколы, проходивших мимо. «Эй, что там такое?» — крикнул я. Один из парней ответил, что они только что закончили спарринг с мистером Стюартом, охранником Трайона. Мне уже доводилось слышать о Бобби Стюарте. Он давал уроки бокса, и все, кто с ним занимался, выглядели довольными. Во время спарринг-боев он так ловко уклонялся, что его подопечные мазали и падали, и все просто лопались от смеха. Я загорелся идеей попасть в эту программу.

Каждый раз, когда меня приходили проведать, я буквально умолял позволить мне встретиться с мистером Стюартом. И вот однажды один из охранников позвонил ему: «Он совершенно спокоен и уравновешен. Он уже поел и попросил прибраться в его комнате. Он утверждает, что хочет лишь поговорить с вами». Стюарт дождался, пока все отправятся по кой-

кам, поскольку не хотел, чтобы были свидетели, если я начну скандалить, и пришел ко мне.

Распахнув дверь, он гаркнул:

— Что тебе надо от меня?

Меня до сих пор бросает в дрожь, стоит мне вспомнить ту сцену.

— Хочу стать боксером, — ответил я.

— Все остальные парни здесь мечтают о том же, — рявкнул он. — Но если бы они были боксерами, их бы здесь и в помине не было. Они спокойно гуляли бы по улице, ходили в школу, устраивались на работу. А здесь мы имеем дело с лузерами.

— Все, чего я хочу, — это заниматься боксом. Я буду делать то, что вы скажете.

Мистер Стюарт какое-то время еще покричал на меня, а затем сменил тон:

— Ладно, посмотрим на твое поведение. Поглядим, как ты будешь вести себя на уроках. Продержишься ли ты месяц. Если все будет нормально, без конфликтов, тогда решим, как с тобой быть.

Позже Стюарт признался мне, что, хотя он и проработал в спецшколе десять лет, ему еще никогда не доводилось встречать такого неуверенного в себе парня, как я. По его словам, он порой знал, что я втихаря стащил бумажник, но не мог вспомнить случая, чтобы я с кем-нибудь всерьез враждовал. Когда он в тот раз ворвался в комнату, я даже не смел поднять на него глаз. Несмотря на всю мою уличную браваду, я действительно был очень застенчив. Как уже упоминалось, у меня были старшие наставники, и я на самом деле был всего-навсего учеником, но не лидером. Все, что мне тогда было известно, — это как обманывать, воровать, грабить и лгать.

Чтобы быть в курсе моего поведения, Стюарт после нашей встречи стал проверять ежедневные журналы персонала. Он видел — я не только делал все, что полагалось, но и выражал готовность выполнять дополнительные поручения. При этом я просил персонал записывать мои предложения по оказанию помощи, чтобы Стюарт понимал, насколько изменилось мое отношение к окружающим. За шесть дней я выбился в лучшие ученики класса. Собственно говоря, учитывая, что моя семья с Юга, меня, вообще-то, учили хорошим манерам и вежливости: «Да, мэ. Нет, сэр».

Когда мистер Стюарт стал знакомиться с моим досье, ему бросилась в глаза запись о том, что я нахожусь «на грани умственной отсталости». Он поинтересовался у штатного психолога:

— Что это означает?

— То самое и означает: он умственно отсталый, — ответила она.

— И как это определяется?

— Ну, на основе различных тестов.

— Тестов?! Да он же не умеет нормально читать и писать! Как можно определить, что он умственно отсталый? Я уже давно общаюсь с ним и уверен, что это вполне сообразительный парень. Он просто неграмотный. Вот я, к примеру, не умею первоклассно читать и писать, но это не означает, что я идиот!

Психолог принялась что-то мямлить, несла всякую пургу, и Стюарт, потеряв самообладание, заявил, что она сама умственно отсталая. За это на него настрочили рапорт. Я в восторге от Бобби. Он один из тех ирландских парней, которые без всяких там заморочек говорят, что думают.

Я продолжал вести себя примерно, получал хорошие отзывы от персонала, и мистер Стюарт, похоже, был доволен моим примерным поведением. А еще он был сильно впечатлен, когда однажды пришел в тренажерный зал и увидел, что я собираюсь качаться на силовом станке для жима лежа.

— Что ты делаешь? — поинтересовался он. — Здесь выставлено 250 фунтов¹.

— Парни поспорили, что я не справлюсь, — ответил я.

— Не дури! Сними этот вес и начни со 135 фунтов², — посоветовал он.

Он отвернулся, а когда вновь посмотрел в мою сторону, я уже успел десять раз выжать 250 фунтов, причем без всякой разминки. Я тогда был чертовски силен. Подозреваю, что про этот случай стало известно начальству школы, потому что, когда Стюарт, наконец, решил организовать спарринг со мной, его босс забеспокоился:

— Господи Иисусе, да, я знаю, что ты в хорошей форме, однако этот парень сильнее нас всех, вместе взятых. Будь осто-

---

¹ Соответствует примерно 113 кг.

² Соответствует примерно 61 кг.